

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Д.В. Ефременко

РОССИЯ 1990-х: НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПУТЬ К НЕОПАТРИМОНИАЛИЗМУ*

Ефременко Дмитрий Валерьевич – доктор политических наук,
врио директора ИНИОН РАН.

Исторический опыт России предоставляет многим поколениям исследователей богатейший материал для изучения диалектики прошлого и настоящего, традиции и современности, факторов устойчивости и механизмов преобразования социального порядка. Особый интерес представляют эпохи радикальных политических и социально-экономических изменений, включая, разумеется, и период постсоветских трансформаций 1990-х годов. Эти трансформации носили комплексный характер, они охватывали всю систему политических институтов, сами принципы отношений общества и власти, макрополитическую идентичность, способы взаимодействия политики с международной средой и многое другое. Однако по мере того, как вырисовывался вектор российского транзита, все большее число исследователей вынуждены были признать, что изменение формальных институтов не привело к нововведению на русской почве гражданской формы общественной жизни, опирающейся на либеральный политический и экономический строй. Многие авторы говорят о том, что в последние два десятилетия в нашей стране оформился новый тип социальности, представляющий собой сложный сплав современности с элементами прошлого. Это побуждает ставить вопрос не только об особенностях «пути» России, но и о механизмах и порождающих структурах, которыми определяются наблюдаемые эффекты частичного «возврата к прошлому».

* *Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Исследование взаимоотношений власти и общества в России в ракурсе политической онтологии», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 15-03-00008).*

Современными исследователями уже проделана определенная работа в направлении поиска такого рода механизмов и порождающих структур – можно сослаться на концепцию Русской Системы Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, теорию раздаточной экономики О.Э. Бессоновой, представления об этакратизме (постсоветском номенклатурном капитализме), выстраиваемые О.И. Шкартаном и В.В. Радаевым, концепцию административного рынка С.Г. Кордонского, теории власти-собственности, развиваемой в разных постановках целым рядом авторов. Однако нельзя сказать, что мы в полной мере представляем себе механизмы, определяющие устойчивость некоторых регулярно воспроизводящихся структур российской политики. Вместе с тем не менее актуален вопрос о факторах и движущих силах их трансформации.

В 1990-е годы Россия совершила рывок к капитализму, но совершила так, как могла, воспроизведя в качественно изменившихся условиях привычную для нее связку власти и собственности. Иначе говоря, в результате крайне болезненных реформ, инициаторы которых обильно приправляли свои действия риторикой о свободе, частной собственности, верховенстве закона и приоритете прав личности, в России возникла специфическая версия неопатримониального капитализма. Еще Макс Вебер характеризовал отношения власти и собственности в России XVI–XIX вв. как особую вариацию патримониализма – царский патримониализм [Weber 1976, с. 621–623]. Во второй половине XX в. Ричард Пайпс внес значительный вклад в разработку представлений о патримониализме в России, рассматривая отсутствие либо нечеткость разграничительной линии между собственностью и политическим суверенитетом как фактор, определяющий особенности русской истории в дореволюционный период [Пайпс 1993]. Шмуэль Эйзенштадт, адаптируя концепцию Вебера к проблематике модернизации, использовал термин *неопатримониализм* [Eisenstadt 1973]. Неопатримониализм можно рассматривать как комбинацию двух типов политического господства – рационально-бюрократического и патримониального. Функционирование власти в условиях неопатримониализма лишь внешне подчиняется формально-правовым нормам, тогда как реальная практика является неформальной и обусловленной личностными отношениями, или, иначе говоря, строится «по понятиям». При этом неопатримониализму соответствуют авторитарная организация социально-политических отношений и рентоориентированная модель экономического поведения [см.: Erdmann, Engel 2006].

Вопрос о власти

Попытка рассматривать исторический опыт постсоветской России в парадигме демократического и рыночного транзита предполагает оценку успешности или неуспешности этого опыта с точки зрения способности обеспечить в течение крайне сжатого исторического срока решение задач по переходу к плюралистической демократии и многоукладной экономике. По сути, речь идет об одновременности решения как этих двух задач, так и трансформации имперской модели государственного устройства в современную нацию-государство [Offe 1991]. Спустя четверть века возникают серьезные сомнения относительно убедительности оценки исторического опыта новой России именно по этому тройственному лекалу, но все же нельзя отрицать, что в начале 1990-х годов создание демократической системы правления, рыночной экономики и федерализма рассматривались в качестве важнейших вызовов, с которыми имеет дело российское общество. Тем не менее фактический ход исторических событий убедительно показал, что центральным был вопрос о власти как таковой, тогда как дизайн политической системы, дерегуляция экономики и изменение структуры собственности, отношения «Центр – регионы» и «Россия – государства постсоветского пространства» оказывались производными от того или иного исхода борьбы за власть.

Два с небольшим года, разделяющие «Преображенскую революцию» 19–21 августа 1991 г. и принятие Конституции новой России 12 декабря 1993 г., вне всякого сомнения, стали временем решающей трансформации государственных институтов и определения вектора их последующего развития. В этот же период российское общество испытало самый сильный травматический шок, сопровождавшийся утратой жизненных ориентиров и идеалов для десятков миллионов людей. Причем борьба за власть – между Борисом Ельциным и Михаилом Горбачёвым в последние месяцы номинального существования Советского Союза, затем – между Ельциным и Верховным Советом России способствовала тому, что социальная травма оказалась еще более болезненной.

В период между поражением ГКЧП и ратификацией Беловежского соглашения, когда на глазах у изумленного человечества происходило обрушение советского колосса, важнейшей ставкой для основных акторов московской политической сцены было преодоление двоевластия. Именно этот мотив заставил Бориса Ельцина приехать в Беловежскую пушу и поставить свою подпись под приговором СССР. В свою очередь, Михаил Горбачёв, преданный ближайшим окружением и временно возвращенный в Кремль своим главным политическим противником, был не в состоянии осознать, что все его попытки сохраниться в качестве номинального лидера Союза суверенных государств, конфедерации или какого-либо иного объединения части

советских республик обречены на провал. Если бы самоликвидация таких институтов власти СССР как Съезд народных депутатов (5 сентября 1991 г.) была логически завершена отставкой Горбачёва с поста президента СССР и временным делегированием соответствующих полномочий президенту России, последний был бы вынужден выступить в новой для себя роли интегратора пространства, которое еще только становилось постсоветским. Скорее всего, он уже не смог бы удержать все 12 республик (независимость стран Балтии была признана Госсоветом СССР 6 сентября 1991 г.). Однако шансы создать менее широкое объединение, по составу близкое к современному Евразийскому экономическому союзу, в начале осени 1991 г. не были нулевыми. Во всяком случае, беловежский сценарий в этом случае был бы исключен. Продление двоевластия еще на три месяца обернулось не только полной утратой контроля Москвы над ситуацией в других республиках, но и началом дестабилизации в российских регионах. В частности, исполнение подписанного Борисом Ельциным 7 ноября 1991 г. Указа «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике» было торпедировано силовыми структурами, формально находившимися в подчинении Михаила Горбачёва.

Видя свою основную задачу в избавлении от Горбачёва, Ельцин подбирал исполнителей, готовых проводить экономические реформы в условиях окончательного разрушения государственного единства Советского Союза. Наиболее очевидный претендент на роль лидера экономических преобразований – Григорий Явлинский – был отвергнут, во-первых, из-за его неготовности идти на радикальный разрыв хозяйственных связей России с другими советскими республиками (а уже в этом Ельцин и его ближайшее окружение могли видеть проявление лояльности по отношению к Горбачёву), и, во-вторых, из-за опасений его будущих претензий на самостоятельную политическую роль. Члены команды Гайдара, напротив, столь усердно пестовали свой имидж лишенных политических амбиций технократов, что казались вполне удобными не только российскому президенту, но и первому вице-премьеру Геннадию Бурбулису, с чьей подачи молодые реформаторы оказались в Белом доме [см.: Полторанин 2011, с. 243]. Именно Бурбулис в так называемом меморандуме от 3 октября 1991 г. предложил обоснование сепаратного от других республик экономического рывка, предпосылкой которого станет избавление от союзного Центра: «Объективно России не нужен стоящий над ней экономический Центр, занятый перераспределением ее ресурсов... Однако в таком Центре заинтересованы многие другие республики. Установив контроль над собственностью на своей территории, они стремятся через союзные органы перераспределять в свою пользу собственность и ресурсы России. Так как такой Центр может существовать лишь при поддержке республик, он объективно, вне зависимости от своего кадрового состава, бу-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

дет проводить политику, противоречащую интересам России» [цит. по: Мороз 2011, с. 507].

Подписание Беловежского соглашения выявило цену, которую Борис Ельцин и его соратники были готовы заплатить за достижение поставленных целей. Цена эта измерялась территориями, поколениями, социальными группами, промышленными отраслями и т.п. В то же время в начале декабря 1991 г. цена бездействия была еще более высокой. Референдум о независимости Украины, состоявшийся 1 декабря, делал бессмысленным дальнейшее продолжение новоогаревского процесса. Он же давал последний аргумент лидерам политических элит союзных республик в пользу окончательного раздела власти и собственности на пространстве разваливающегося СССР. Распад советской империи обусловлен действием системных факторов, но фиксация его необратимости была осуществлена в рамках сговора республиканских элит, присвоивших и разделивших наследство сверхдержавы.

Российский президент и органы законодательной власти РФ – Съезд народных депутатов и Верховный Совет, – выступавшие единым фронтом в период противостояния с институтами власти Союза ССР, в течение нескольких месяцев после ухода Михаила Горбачёва оказались в состоянии открытого конфликта друг с другом, воспроизведя тем самым ситуацию двоевластия. Новое двоевластие едва ли можно рассматривать как противоборство структур, изначально представлявших различные политические режимы [Согрин 2001, с. 10]. Несомненно, что политический режим, который мог сформироваться в случае победы Верховного Совета, имел бы на первых порах радикальные отличия от ельцинского режима. Однако в долгосрочной перспективе уместно предположить его выход на траекторию развития, примерно соответствующую фактической эволюции политического режима в постсоветской России.

Институт президентства и двухуровневый парламент (Съезд / Верховный Совет) имели общую позднесоветскую генетику, но при этом они обладали неодинаковой легитимностью. Президентская сторона опиралась на легитимность прямых выборов главы государства 12 июня 1991 г., а также на революционный мандат, полученный в результате сопротивления путчу ГКЧП в августе 1991 г. В то же время конституционная норма, согласно которой высший орган законодательной власти вправе «принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации» (ст. 104), превратилась в руках антиельцинского парламентского большинства в универсальное оружие политической борьбы. Тем не менее в 1992–1993 гг. не только парламент, но и президент действовали в условиях правового вакуума, точнее, на юридических основаниях, сформированных в советскую эпоху. На эту фундаментальную правовую неопределенность накладывалось политическое противостояние, связанное с проведением непопулярных эхо-

номических реформ и усилиями президентской команды, направленными на демонтаж политических институтов советской эпохи. Кроме того, усиливавшиеся с конца 1980-х годов региональные политические элиты выступили в качестве своеобразной «третьей силы», которую стремились привлечь на свою сторону и президент, и Верховный Совет.

В качестве политической силы лагерь Верховного Совета представлял собой разношерстную коалицию различных группировок, не имевшую четкой программы развития страны за исключением пункта, объединявшего всех противников Ельцина и команды Гайдара: решительное ограничение президентской власти и свертывание начатых в январе 1992 г. экономических реформ. Но в качестве государственного института, *de-jure* обладающего полномочиями конституировать любые изменения политической системы, Съезд и Верховный Совет стали естественным центром притяжения для всех сил, чувствовавших себя проигравшими в результате крушения советской системы, формирования вокруг Бориса Ельцина коалиции победителей (и, соответственно, появления политических аутсайдеров наподобие вице-президента Александра Руцкого) и перехода к радикальному реформированию экономики.

В ретроспективе последних двух десятилетий конфликт президента и парламента, завершившийся переворотом 21 сентября и расстрелом Белого дома 4 октября 1993 г., представляется особенно трагичным как по причине связанных с ним человеческих жертв, так и из-за упущенной исторической возможности учредить новый конституционный порядок на основе политического компромисса. Варианты конституции, которые могли быть согласованы в ходе диалога между сторонами конфликта, предусматривали большую или меньшую степень равновесия между исполнительной, судебной и законодательной властями. Сам согласительный процесс наподобие польского круглого стола 1989 г. или переговоров испанских политических сил, завершившихся подписанием пакта Монклоа (1977), скорее всего, стал бы преградой для принятия политико-правовой модели, ставящей институт президентства над системой разделения властей. К сожалению, шанс на достижение политического компромисса оказался упущен, главным образом, из-за непримиримой позиции хасбулатовского Верховного Совета.

Конституция Российской Федерации, одобренная на референдуме 12 декабря 1993 г., фактически кодифицировала тот политический порядок, который установился после силового разгона Верховного Совета. Сами обстоятельства принятия новой конституции в значительной степени детерминируют ее содержание. Как отмечает Андрей Медушевский, «превращение России в конституционное государство стало возможным не путем договора (например, между партиями), но в результате разрыва правовой преемственности, острого конфликта новой легитимности и старой законности, чрезвы-

чайной концентрации полномочий президентской власти, объективно выступавшей гарантом переходного процесса» [Медушевский 2005, с. 86]. Не удивительно, что воспоминания о кровавом исходе политического и конституционного кризисов 1992–1993 гг., а также аргументы, ставящие под сомнение достоверность официально объявленных результатов референдума 12 декабря [см.: Исаков 1996, с. 344–349], мало способствуют консолидации политической нации на основе модели конституционного патриотизма [см.: Sternberger 1990]. Принципиальное значение, однако, имеет преэминентность ныне действующей конституции по отношению к предыдущим конституционным актам в том, что касается фундаментальных оснований функционирования политической власти. Принцип разделения властей в этой модели оказывается вторичным. Над триадой «исполнительная / законодательная / судебная власти» возвышается власть как таковая, олицетворением и носителем которой выступает президент. Наличие этой константы в Конституции 1993 г. создало благоприятные условия для последующих трансформаций политического режима. В результате существенные ограничения принципов федерализма, местного самоуправления и политического плюрализма стали возможными без какой-либо серьезной правки текста основного закона. Да и сами изменения конституции не смогут быть действенным механизмом развития правового государства до тех пор, пока не сформируются социально-политические предпосылки демонтажа *кратократической* надстройки над системой разделения властей без разрушения государства как такового.

Принятие Конституции в декабре 1993 г. имело большое значение с точки зрения сохранения государственного единства и разграничения полномочий между Центром и регионами. 1990-е годы могли войти в историю России как период важнейшего преобразования централизованного государства в федеративное. Однако федерализм так и не стал фундаментом государственности Новой России. Фактическая динамика взаимоотношений между Центром и регионами с большей точностью может быть описана в диапазоне «дезинтеграция / реинтеграция». Начало процессам дезинтеграции было положено так называемым «парадом суверенитетов» автономных образований в составе РСФСР, который проходил с августа по октябрь 1990 г. и был явно инспирирован союзным центром, пытавшимся использовать автономии в качестве рычага давления на новую российскую власть во главе с Борисом Ельциным. Особая опасность «парада суверенитетов» состояла в том, что происходил почти мгновенный скачок от фиктивного федерализма к едва ли не принудительному наполнению содержанием прежде пустых форм. Знаменитая фраза: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», произнесенная 6 августа 1990 г. в Уфе, означала, что Ельцин принимает вызов и готов пойти на передачу лидерам регионов значительного объема полномочий, в обмен, разумеется, на их политическую лояльность и под-

держку в противостоянии с Горбачёвым. Однако сыграв на повышение ставок, Ельцин все же не смог заручиться уверенной поддержкой лидеров автономий, представлявших наиболее консервативное крыло партийной номенклатуры. Уже на референдуме по вопросу введения поста президента РСФСР в марте 1991 г. голосование было сорвано в Северной Осетии, Татарстане, Туве и Чечено-Ингушетии (взамен в Татарстане был организован свой собственный референдум о государственном статусе этой республики). С каждым новым витком противостояния между Горбачёвым и Ельциным, а затем между Ельциным и Верховным Советом региональные лидеры добивались все нового расширения своих полномочий и разного рода экономических преференций.

В юридическом отношении «парад суверенитетов» породил неразрешимую коллизию суверенитета государства в составе большего суверенного государства. Подписание 31 марта 1992 г. Федеративного договора между руководством РФ и главами регионов ситуацию усложнило еще более, поскольку парадокс «матрешечного суверенитета» и принцип верховенства местных законов над законами РФ были дополнены ярко выраженным статусным неравенством между республиками, краями, областями, городами федерального значения и малыми автономными образованиями. Сама перспектива превращения России в договорную федерацию таила в себе угрозу распада страны, начало которому фактически уже было положено захватом власти в Грозном Джохаром Дудаевым и провозглашением независимости Чечни. Когда же в ходе нарастающего конфликта между президентом и Верховным Советом лидеры регионов начали выступать в качестве посредников, резко возросла вероятность того, что в рамках возможного урегулирования кризиса окончательная версия федеративного устройства будет принята под их диктовку. Последнего все же не произошло, поскольку после силового разгона Верховного Совета исчезла необходимость и в посредниках. Новая Конституция провозгласила верховенство своих норм по отношению к Федеративному договору, хотя и сохранила отсылки к нему в п. 3 ст. 11, описывающей регулирование федеративных отношений. Тем самым была создана правовая двусмысленность, позволяющая рассматривать Россию и как конституционную, и как конституционно-договорную федерацию. Эта двусмысленность уже в период президентства Владимира Путина позволила «встроить» региональные элиты в единую «вертикаль власти», заставив их позабыть о вольнице 1990-х годов. Но надолго ли? Как пишет сыктывкарский политолог Виктор Ковалев, «похожая ситуация, хотя и несколько в другом роде, может гипотетически возникнуть в случае очередного колебания политического маятника, какой-нибудь обсуждаемой уже сейчас новой «оттепели», когда региональные элиты вновь осмелятся вспомнить о том, что их территории – это субъекты Федерации» [Ковалев 2011, с. 64].

Вопрос о собственности

Опыт социальных и политических изменений в России, странах Восточной и Центральной Европы не позволяет механически оперировать прежними представлениями о трансформациях как о некотором изначально предопределенном движении от исходной точки (точки отклонения) к общей для всех норме рыночной экономики и институтов демократии. Этот детерминистский дискурс был чрезвычайно популярен у российских реформаторов начала 1990-х годов, и именно в этих категориях они обосновывали свою версию экономических реформ. Когда же социальная среда реагировала на эти реформы иначе, чем это было описано в западных учебниках 1980-х годов по макроэкономике, адепты российского неоллиберализма невозмутимо констатировали: тем хуже для этой социальной среды, особенно для тех, кто принципиально неспособен адаптироваться к новым условиям¹. В такой оптике социальные трансформации начинают рассматриваться как процесс, пролонгированный в будущее, по крайней мере до момента ухода старшего и среднего поколений, «застрявших» в советском прошлом.

Тезис о предопределенности экономических и политических реформ, сформулированный еще в годы перестройки в известном программном сборнике с красноречивым названием «Иного не дано», в дальнейшем многократно использовался членами гайдаровской команды реформаторов, пытавшихся объявить безальтернативными не только общий курс экономических преобразований, но и конкретные экономические и политические решения начала 1990-х годов. Фактическую и методологическую уязвимость этой тактики отмечают даже некоторые из исследователей, комплиментарно настроенных в отношении реформаторов гайдаровского призыва [см.: Гельман, Травин 2013]. Между тем сам приход в российскую власть Егора Гайдара и его команды объяснялся во многом ситуативными факторами; говорить о безальтернативности тех или иных мер можно лишь применительно к наиболее острым кризисным этапам (к их числу, например, относятся последние недели существования СССР).

Как известно, начало изменениям отношений собственности было положено еще в период горбачёвской перестройки с принятием закона о кооперации, который создал первичные условия для развития предпринимательства. Этим законом, несмотря на многочисленные ограничения и общую нерыноч-

1. В статье Юрия Лужкова и Гавриила Попова «Еще одно слово о Гайдаре» приводится следующее высказывание лидера команды реформаторов, сделанное в один из самых тяжелых моментов социально-экономического кризиса: «Идут радикальные преобразования, с деньгами сложно, а уход из жизни людей, неспособных противостоять этим преобразованиям, – дело естественное» [Лужков, Попов 2010].

ную экономическую среду, сумели воспользоваться сотни тысяч предприимчивых граждан Советского Союза. Многие из них потерпели неудачу, но некоторые добились серьезных успехов и впоследствии сумели перейти в категорию крупных предпринимателей. Вместе с тем создание кооперативов стало способом легализации теневого предпринимательства, являвшегося оборотной стороной советской плановой экономики. Основное же содержание новой экономической активности в период перестройки составляла скрытая номенклатурная приватизация, выражавшаяся в преобразовании ряда отраслевых министерств в концерны, государственных банков – в коммерческие банки, снабженческих организаций – в биржи и т.п. Подлинным авангардом перестроечной номенклатурной приватизации стал комсомольский бизнес, получивший при поддержке центральных партийных органов преференциальные условия развития. К моменту крушения коммунистического режима возникли симбиотические структуры, в которых были представлены и номенклатура, и бывшие теневики, и наиболее удачливые кооператоры. Некоторые из «олигархов» ельцинской эпохи начинали свою карьеру в бизнесе именно в такого рода структурах.

Радикальные экономические изменения, обусловленные коллапсом советской плановой экономики и почти полным параличом институтов власти, начались в 1992 г. Сами реформаторы исходили из того, что на начальном этапе преобразований станут неизбежными крутое падение производства и уровня жизни, затем последует быстрый восстановительный рост, который сменится более устойчивым ростом на основе действия институтов и механизмов рыночной экономики. За этим убеждением стояла ориентация на догоняющее развитие, на то, что Россия с незначительными вариациями способна воспроизвести опыт капиталистического развития стран Запада. На деле, однако, стадия глубокого экономического спада и деградации уровня жизни большинства населения России заняла почти десятилетие.

Первой важнейшей мерой «шоковой терапии» правительства Ельцина–Гайдара стала либерализация цен и торговой деятельности. Пустые полки магазинов наполнились товарами в считанные месяцы, но заплачено за это было галопирующей инфляцией, превысившей в 1992 г. 2500%, и практически полным обесценением сбережений жителей России. Последнее на языке реформаторов называлось «снятием денежного навеса». В результате основная масса населения была отброшена на грань выживания, хотя среди тех, кто в тот момент сделал ставку на торгово-посредническую деятельность, появились и выигравшие. Одним из следствий либерализации цен и фактической конфискации сбережений стала невозможность участия широких слоев населения (в особенности тех, кого можно с известными оговорками называть советским средним классом) в денежной приватизации, которая, кстати, могла бы «нейтрализовать» до 1/3 всей «свободной» денежной массы [см.: Шме-

лев 1996]. «Шоковая терапия» привела к социальной деградации этих групп, лишив тем самым неолиберальных реформаторов основной базы электоральной поддержки.

Вместо поддержки среднего класса правительство реформаторов уже в первые месяцы своей работы начало создавать себе опору в среде акторов формирующегося рынка, более чем активно используя такие инструменты преференциальной поддержки как льготное кредитование, субсидирование экспорта, дотирование импорта. Фактически с помощью этих инструментов гайдаровское правительство осуществило реформатирование ландшафта номенклатурно-теневое позднесоветского капитализма, по сути дела «назначив» будущих чемпионов этой гонки на выживание. Успех был достигнут быстро: уже к концу 1992 г., когда на VII Съезде народных депутатов РФ Егор Гайдар был вынужден сложить с себя обязанности исполняющего обязанности председателя российского правительства, обнаружилось, что за «технократами» и «бывшими завлабами» стоят силы, представляющие, главным образом, финансовый капитал. Кроме того, в 1992 г. команда реформаторов обрела мощнейшую поддержку международных, прежде всего американских, финансовых кругов, принимавших решения о кредитовании российского правительства.

На старте преобразований 1990-х годов Россия уже в очень высокой степени зависела от экспорта минерально-сырьевых ресурсов. Вместе с тем сохранялся значительный, хотя в основном устаревший промышленный потенциал. Этот потенциал можно было модернизировать и адаптировать к условиям рынка в случае проведения активной структурной политики. Однако реформаторы 1990-х годов последовательно отвергали инициативы по переходу к активной промышленной политике, рассчитывая, что общее макроэкономическое регулирование приведет к «естественной» селекции отраслей. Фактически же в условиях узости и недостаточной капитализации внутреннего рынка основную ставку приходилось делать на экспортно-ориентированные отрасли. А на мировом рынке для России оставалась единственная возможность – занять нишу экспортера минерально-сырьевых ресурсов. В результате такого рода политики *laissez-faire* произошла структурная деградация экономики, был подорван кадровый потенциал отраслей высокой переработки, а инфраструктура, созданная в основном еще в советскую эпоху, постепенно приближалась к грани полного износа.

Ключевой реформой правительства Ельцина–Гайдара стала приватизация государственной собственности. Именно она привела к необратимым изменениям социальной структуры российского общества. Стратегия приватизации, принятая и осуществленная российским правительством, несмотря на жесточенную критику и сопротивление политических оппонентов, состояла

из двух основных этапов – бесплатной ваучерной приватизации и денежной приватизации в форме залоговых аукционов.

Егор Гайдар и его соратники, несомненно, осознавали значение проблемы «власть–собственность» для успеха проводимых ими реформ и будущего страны в целом. По крайней мере, сам Гайдар был явно знаком с концепцией «власти–собственности» выдающегося востоковеда Л.С. Васильева [Васильев 1982], в которой предлагалась новая интерпретация так называемого азиатского способа производства, означающая отход от марксистских постулатов. Гайдар видел одну из главных задач реформ в следующем: «Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно “выкупить”. Если собственность отделяется от власти, если возникает свободный рынок, где собственность все равно будет постоянно перемещаться, подчиняясь закону конкуренции, это и есть оптимальное решение. Пусть изначально на этом рынке номенклатура занимает самые сильные позиции, это является лишь залогом преемственности прав собственности. Дальше свои позиции каждому владельцу придется подтверждать делом. В любом случае такой обмен власти на собственность означал бы шаг вперед от “империализма” к свободному, открытому рынку, от “азиатского способа производства” к европейскому, означал бы конец самой номенклатуры как стабильной, пожизненной, наследственной, не подвластной законам рынка политико-экономической элиты» [Гайдар 1995, с. 103].

Первый (ваучерный) этап приватизации отчасти действительно способствовал «обмену власти на собственность» и «выкупу России у номенклатуры». Точнее, ваучерная приватизация позволила части так называемых «красных директоров» трансформировать свой фактический контроль над предприятиями в легальные права собственников. Однако далеко не всем «красным директорам» удалось получить эксклюзивную поддержку властей через механизмы субсидирования и льготного кредитования. Не следует забывать и о том, что более 40 млн приватизационных чеков было аккумулировано в чековых инвестиционных фондах (ЧИФах). По признанию Анатолия Чубайса, «провал ЧИФов был оглушительным: все 40 млн человек ощутили себя просто обманутыми, и справедливо» [Интервью с Чубайсом А.Б. 2011, с. 277]. Между тем аккумулированные в ЧИФах ваучеры были использованы для перераспределения весьма лакомых кусков собственности в пользу тех групп предпринимателей, с которыми – в отличие от «красных директоров» – реформаторское правительство не имело политико-идеологических разногласий.

Первый этап приватизации осуществлялся в рекордно короткий срок, что не могло не сказаться как на эффективности приватизации, так и на интенсивности связанных с ней конфликтов. Такая спешка, несомненно, была политически мотивирована. Реформаторы ставили перед собой задачу быстрого

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

и бесповоротного разрыва со старой социально-экономической системой, ослабления связанных с ней политических сил, формирования новых групп элиты.

Широко разрекламированная идеологом приватизации Анатолием Чубайсом передача государственного имущества в руки народа благодаря использованию такого инструмента как приватизационный чек (ваучер), означала на деле создание первичной инфраструктуры практически бесконтрольного перераспределения собственности. Ни рядовые обладатели ваучеров, ни трудовые коллективы, наделенные декларативным преимуществом в процессе приватизации их предприятий, в собственников так и не превратились. Единственным бесспорным дивидендом для широких слоев городского населения стала бесплатная приватизация их собственного жилья. Впоследствии возможность распоряжения этим имуществом обеспечила многим горожанам дополнительный доход. Однако заслуга в приватизации жилых помещений принадлежала местным властям, осуществившим эту программу, тогда как федеральные власти в лучшем случае не препятствовали ей.

После завершения в 1994 г. чекового этапа приватизации значительная часть наиболее привлекательных предприятий и отраслей экономики продолжала оставаться под государственным контролем. Их судьба определялась в ходе так называемых залоговых аукционов, когда такие крупные предприятия, как «ЮКОС» или «Норильский никель», фактически продавались по многократно заниженной цене финансовым группам, близким к чиновникам правительства, контролировавшим принятие соответствующих решений. С точки зрения отношений «власть–собственность» это был критический момент, когда российское правительство, в экономическом блоке которого по-прежнему значимую роль играли представители гайдаровской команды, могло воспрепятствовать воспроизводству на новой основе патримониальной экономической модели. На деле, однако, выдвинутая Владимиром Потаниным инициатива проведения залоговых аукционов стала компромиссом, отвечающим интересам как новых финансовых групп и реформаторского крыла российского правительства, так и «красных директоров» и представлявших их в правительстве деятелей, типа Олега Сосковца.

Оправдывая собственную поддержку проведения залоговых аукционов, Анатолий Чубайс ссылается на политическую необходимость: «Никакой другой – ни денежной, ни безденежной – приватизации в тот момент по политическим причинам провести было невозможно. Получается: либо бесславное поражение, либо это дерьмо – залоговые аукционы. Не хочешь лезть в дерьмо, можешь отойти в сторону и гордо заявлять, мол, иначе воспитан... А реформы пусть идут прахом... Залоговые аукционы стали единственным шансом отнять «командные» высоты у коммунистов, наполнить реальным

содержанием всю формально созданную к этому моменту частную собственность и переломить историческую судьбу России» [Интервью с Чубайсом А.Б. 2011, с. 279].

В результате залоговых аукционов большая часть российской нефтедобычи, черной и цветной металлургии, предприятий водного транспорта оказались под контролем нескольких группировок, лидеры которых получили название «олигархов». Но на кону стояло нечто большее. Начиная с залоговых аукционов, развернулась борьба за «власть–собственность» после неизбежного ухода Бориса Ельцина. Для инсайдеров не было секретом, что по чисто физическим причинам конец эпохи первого президента России может наступить в любую минуту. Просвета в экономическом кризисе не наблюдалось, а развязанная в Чечне война грозила уничтожить последние остатки былой ельцинской популярности. Решение Ельцина идти в 1996 г. на новые президентские выборы и его весьма сомнительная победа на этих выборах ничего принципиально не меняли. Однако важнейшее значение имели, во-первых, инициированные Чубайсом давосские переговоры российских олигархов, завершившиеся их решением объединить ресурсы и усилия ради победы Бориса Ельцина, и, во-вторых, происшедший в период между первым и вторым турами президентских выборов микропереворот, в итоге которого были смещены со своих постов Олег Сосковец и наиболее влиятельные представители силовых структур – Александр Коржаков и Михаил Барсуков. Если залоговые аукционы указывали на окончательное формирование неопатримониальной модели государственного управления и организации экономики, то «давосский сговор» означал возможность ее мутации, когда формула «власть–собственность» могла поменяться на формулу «собственность–власть–собственность». Новый расклад сил в Кремле и Белом доме после объявления о победе Бориса Ельцина на президентских выборах и развернувшиеся в 1996–1998 гг. «олигархические войны» давали основание говорить о том, что политическое влияние становится в России производным от контроля над собственностью. Во всяком случае, основной стержень политической борьбы вплоть до ареста Михаила Ходорковского в октябре 2003 г. заключался в том, какая из версий неопатримониализма в конечном счете восторжествует – «власть–собственность» или же «собственность–власть–собственность».

Судя по всему, либо экономические реформы 1990-х годов изначально не были ориентированы на преодоление патримониального уклада, либо при первом же столкновении планов реформаторов с российской реальностью произошла негласная подмена цели преобразований. Здесь нет необходимости обстоятельно говорить о фактах явной коррупции или специфических жизненных траекториях отдельных членов гайдаровской команды, для которых вхождение в состав правительства оказалось транзитным пунктом на

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

пути из академических НИИ в российский список «Форбс». Очевидно, во всяком случае, что осознав неизбежность возрождения в новых условиях модели «власть–собственность», реформаторы 1990-х постарались воспроизвести ее под себя и свою клиентулу. В этом смысле реформы можно рассматривать как социальную инженерию. В результате в первой половине 1990-х годов на арену общественной жизни вышла новая социальная группа предпринимателей, почти не имевших опыта организации производства и создания бизнеса в условиях открытой рыночной конкуренции. Их магистральный путь был иным: они сумели добиться успеха не вопреки, а благодаря распаду советской хозяйственной системы, причем их основной способ ведения бизнеса состоял в умении «решать вопросы» на разных уровнях – от локальных криминальных структур до федерального правительства. Это была система жесточайшего отбора по социал-дарвинистским принципам, в которой, однако, изначально не было и намека на равенство стартовых условий. Когда же те, кто прошел отбор, образовали новую экономическую элиту, стало очевидно, что она не только не готова взять на себя ответственность за преодоление экономических трудностей, но, напротив, вынуждает власть еще в большей степени переложить тяготы выхода из кризиса на плечи рядовых граждан. Дефолт 17 августа 1998 г. стал наиболее ярким тому подтверждением. Одновременно дефолт оказался новым этапом отбора, в результате которого около 1/3 российского ВВП перешло под контроль 37 бизнесменов [см.: Rutland 2008].

Новая структура собственности, будучи в целом легальной с точки зрения правового обеспечения (хотя ряд действий власти и отдельных приватизационных сделок вполне могут быть оспорены), не обладает достаточной легитимностью в глазах основной части российского населения. Этот разрыв порождает целый ряд политических и экономических проблем, включая неэффективность корпоративного управления, сужение горизонта экономического планирования до двух-трех лет, использование офшорных схем вывода доходов за пределы российской юрисдикции и т.д. [см.: Сергеев 2004].

Для большинства граждан России приватизация крупной государственной собственности явилась неотъемлемой частью индивидуального и коллективного травматического опыта. Она до сих пор служит для них примером вопиющей социальной несправедливости и чудовищной коррупции. Не удивительно, что в ходе опросов около 1/3 респондентов стабильно высказывается в пользу ренационализации крупных компаний, а «за устойчивым и широко распространенным отрицательным отношением к последствиям приватизации и к итогам всего периода реформ мы часто обнаруживаем раздраженное и мстительное ожидание “социального реванша”, парадоксальным образом сочетающееся с практически полным отсутствием надежд на восстановление “социальной справедливости”» [Зоркая 2005, с. 94]. И здесь не следует слиш-

ком полагаться на успокоительную логику «время – лечит», на то, что одна из наиболее болезненных социальных травм будет в основном преодолена за пару-тройку пореформенных десятилетий. Равным образом не слишком основательны надежды на «выход российской институциональной системы из ловушки размытой нелегитимности» за счет того, что конфликты по поводу собственности перестанут везде и всегда разрешаться в пользу «сильных» и в ущерб «слабым» [Капелюшников 2008]. Недостаточная легитимность (или размытая нелегитимность) структуры крупной собственности остается бомбой замедленного действия, которая может взорваться в момент дестабилизации социальной системы, обусловленной сочетанием внешнего и внутреннего давления.

Джозеф Стиглиц, обобщая опыт российской приватизации, писал: «Те, кто выступал за приватизацию, с гордостью указывали, что значительная часть государственных предприятий перешла в частные руки, но это было весьма сомнительным достижением. В конце концов легко просто раздать государственные активы, особенно своим друзьям и приятелям, а стимулы к этому очень сильны, если политики, проводящие приватизацию, могут получить свою долю – прямо или косвенно – в качестве пожертвований на ведение собственной избирательной кампании. В самом деле, если приватизация проводится способами, которые многие считают незаконными, и при отсутствии институциональной инфраструктуры, то фактически могут быть подорваны более долговременные перспективы рыночной экономики. Но еще хуже то, что нарождающиеся частнособственнические интересы приводят к ослаблению государства и разрушают общественный порядок посредством коррупции и присвоения имущества представителями властных органов» [Стиглиц 1999, с. 14].

Данное высказывание лауреата Нобелевской премии по экономике подводит к значимому умозаключению: воспроизводство на новой основе отношений «власть–собственность» и формирование неопатримониального капитализма не равнозначны усилению государства. Возможна ситуация, при которой регенерация системы «власть–собственность» способствует эрозии государственных институтов и даже подрыву государственности. Однако эта ситуация все же не является «штатной». В России середины 1990-х годов власть сформировала новый слой крупных собственников, который, пользуясь слабостью государства, заявил претензии на установление контроля над породившей его властью. Но одновременно действовали силы, заинтересованные в укреплении государства при сохранении системы «власть–собственность» в ее традиционном для России варианте. К «возврату» государства подталкивали и общественные ожидания, игнорировать которые ельцинскому режиму становилось все труднее.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В глазах значительной части населения страны едва ли не основным смыслом политики российской федеральной власти состоял в максимально возможном сокращении социальных обязательств государства. Едва ли можно отрицать, что для многих постсоветских реформаторов в этом и состояла если не цель, то важнейшее направление социально-экономических преобразований. Правда, последовательно провести эту линию не удавалось. В начале 1990-х годов социальная политика была одним из полей сражений между президентом и парламентом; в дальнейшем, как правило, в период электоральных кампаний, происходило sporadическое наращивание социальных обязательств. В то же время данную ситуацию умело использовали те региональные лидеры, которые имели ресурсы для проведения самостоятельной социальной политики. В этом, в частности, кроется секрет политического долголетия мэра Москвы Ю.М. Лужкова, который лишился своего поста только в 2010 г. Уже в период путинского президентства, когда экономическая конъюнктура позволила направить действительно серьезные средства на социальные нужды, в социальной политике произошли более существенные изменения.

Следует, однако, учитывать, что некий общий ориентир социальной политики был закреплен в Конституции 1993 г., ст. 7 которой провозгласила Россию социальным государством. Довольно долгое время политика федеральной власти состояла в игнорировании этого принципа, либо в такой интерпретации, которая делала его бессодержательным. Последнему немало содействовала и критика понятия «социальное государство» российскими либералами. В то же время игнорированию принципов социального государства способствовала и апатия населения. Фактически сущность социальной политики федеральной власти заключалась в балансировании между продолжением неолиберальных реформ и сохранением социально-политической стабильности. В целом этот курс удавалось выдерживать вплоть до дефолта 17 августа 1998 г.; после дефолта начался политический разворот, который можно характеризовать как «возврат» государства.

Дефолт и формирование постреформаторского правительства Евгения Примакова подвели черту под неолиберальной экономической идеологией и временем, когда оставленное государством «наследство» лихорадочно делилось между олигархическими группировками. Сами люди, вошедшие в правительство в сентябре 1998 г., в своем большинстве воспринимались как лучшие представители поколения «позавчерашних» (Евгений Примаков был старше и президента Бориса Ельцина, и его предшественника Михаила Горбачёва). Именно они первыми начали разворот в направлении государственного патернализма. Именно при этом правительстве начался экономический рост, продолжавшийся целое десятилетие. Их политический век был, однако, недолог. Основным объемом работы по «возврату» государства был выполнен уже при следующем президенте России.

Онтология российской политики

Сегодня можно уверенно говорить о том, что в 1990-е годы Россия преодолела очередную развилку на своем историческом пути. Это была развилка между формальными, не сумевшими обрести реального наполнения институтами, импортированными извне (многопартийность, разделение властей, выборность должностных лиц на всех уровнях власти и т.д.), и квинтэссенцией российской политической культуры – властечентризмом. Выбор сводился к следующему: либо названные институты предотвращают реинкарнацию системы «власть–собственность» и обеспечивают успех демократического транзита, либо, напротив, они превращаются в симулякры, прикрывающие становление неопатримониализма. Произошло последнее.

Возрождение в новой форме патримониальной модели отношений власти и общества побуждает многих исследователей ставить вопрос о причинах неуспеха российского демократического транзита. Постановка данного вопроса, разумеется, оправдана. Однако, как представляется, проблема, требующая дальнейшего исследования, значительно шире и глубже. Существует достаточно оснований для разработки исследовательской программы, выходящей за рамки методологии и тематического охвата политической транзитологии. Фокусировка внимания политологов на институциональных трансформациях зачастую приводит к недооценке, а то и фактическому игнорированию контекстуальных (исторических, географических, социокультурных) условий взаимодействия власти и общества. Абсолютизация политических изменений затеняет онтологические вопросы о сущности, формах существования и воспроизводства политической власти, об особенностях политического времени и пространства.

Онтологическая перспектива в политологии открывает средний путь между поиском фундаментальных законов, действующих в политической сфере, и постмодернистским скептицизмом в отношении существования политических закономерностей. Подход политической онтологии, по сути, восходит к идеям К. Маркса, М. Вебера и Г. Зиммеля, которые рассматривали и действия индивидов, и сложные социальные структуры как проявления регулярности в социальных отношениях. При этом социальные взаимодействия и связи, пронизывающие систему отношений власти и общества, обеспечивающие ее воспроизводство и изменения, формируют ткань социальной и политической жизни. Регулярность, несомненно, наблюдается в сфере политического, но не является характерной для всех политических структур и процессов. Тем более важно и значимо в научном плане найти объяснение феномену воспроизводства базисных структур, определяющих характер взаимодействия власти и общества в России как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе.

Особую актуальность подходу политической онтологии придает то обстоятельство, что именно на его основе можно создать объяснительную модель так называемых ретроградных трендов демократического транзита. Вместе с тем комплексный анализ феномена российской политики может быть успешным лишь на основе полноценного диалога онтологического и трансформационного подходов. Именно так можно эффективно проанализировать факторы устойчивости и механизмы трансформации в системе «власть–общество».

Феномен российских реформ 1990-х годов очень важен для анализа соотношения устойчивости и изменчивости, характеризующих бытие соответствующей политики. Для разработки программы дальнейшего исследования исторического пути России в ракурсе политической онтологии следует учитывать, что устойчивость и изменчивость редко представляют собой жесткую бинарную оппозицию. Соотношения между ними гораздо более вариативны, вплоть до признания способности системы к трансформации в качестве предпосылки обеспечения ее долговременной устойчивости. В то же время любая трансформация, решая какую-либо старую проблему, порождает комплекс новых проблем и отношений. В частности, в случае российской политики напряжение между устойчивостью и трансформациями обусловлено, с одной стороны, естественной динамикой социального организма, ведущей к его усложнению, и, с другой – поддерживаемой политической системой тенденцией к упрощению социальной сложности. Властечентризм как важнейшая особенность российской политической системы проецирует соответствующую стилистику на всю ткань властных отношений. В то же время практическое функционирование политической системы осуществляется в уже модернизированной (хотя нередко чисто формально и в недостаточной степени) институциональной среде, включающей административные и представительные органы власти, судебную систему, конституцию и законы, декларированные и законодательно оформленные права человека, систему выборов и т.п. Здесь, по сути, имеет смысл говорить не столько о российском парадоксе неолиберального пути к неопатримониализму, сколько о появлении очень серьезного силового напряжения в диапазоне «устойчивость / трансформации». Причем и реформы 1990-х годов, и «возврат государства» в начале XXI в. это напряжение только усилили.

Литература

1. Васильев Л.С. Феномен власти–собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // В кн.: Типы общественных отношений на Востоке в Средние века. – М.: Институт востоковедения АН СССР, 1982.
2. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – М.: Евразия, 1995. – 206 с.

3. Гельман В., Травин Д. «Загогулины» российской модернизации: Смена поколений и траектории реформ // *Неприкосновенный запас*. – 2013. – № 4 (90).
4. Зоркая Н. Приватизация и частная собственность в общественном мнении в 1990–2000-е годы // *Отечественные записки*. – 2005. – № 1 (22).
5. Интервью с Чубайсом А.Б. Россия: Трудный путь к частной собственности // *История новой России. Очерки, интервью: В 3 т.* / Под общ. ред. П.С. Филиппова. – Т. 1. – СПб.: Норма, 2011. – С. 267–296.
6. Исаков В.Б. Амнистия. Парламентские дневники 1994–1995. – М., 1996.
7. Капелюшников Р. Собственность без легитимности? – ПОЛИТ. РУ – 27 марта 2008. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2008/03/27/sobstv/> (Последнее посещение – 14.12.2014.)
8. Ковалев В.А. Россия: Федерализм «до востребования». Ч. 1. Центр и регионы в системе отечественной государственной власти и управления // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. – 2011. – Т. 7. – № 1. – С. 62–81.
9. Лужков Ю., Попов Г. Еще одно слово о Гайдаре // *Московский комсомолец*, 22 января 2010.
10. Медушевский А.Н. Конституционные революции в России XX века: Сравнительный анализ // *Неприкосновенный запас*. – 2005. – № 6 (44).
11. Мороз О. Так кто же развалил Союз? – М.: Агентство печати «Столица», 2011.
12. Пайпс Р. Россия при старом режиме. – М.: «Независимая газета», 1993.
13. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. – 512 с.
14. Сергеев В.М. Результаты приватизации и проблемы ее политической легитимации // *Политическая наука в современной России: Время поиска и контуры эволюции: Ежегодник 2004*. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004. – С. 278–286.
15. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: От Горбачёва до Путина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2001. – 272 с.
16. Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? К десятилетию начала переходных процессов // *Вопросы экономики*. – 1999. – № 7.
17. Шмелев Н. Пять лет реформ – пять лет кризиса // *Свободная мысль*. – 1996. – № 7.
18. Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. – London – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1973.
19. Erdmann G., Engel U. Patrimonialism revisited – beyond a catch-all concept // *Hamburg: German institute of global and area studies working papers*, No. 16. – February 2006. – Режим доступа: http://repec.giga-hamburg.de/pdf/giga_06_wp16_erdmann-engel.pdf (Последнее посещение – 12.12.2014.)
20. Offe C. Capitalism by democratic design? Democratic theory facing the triple transition in East Central Europe // *Social Research*. – 1991. – Vol. 58. – N 4. – P. 865–892.
21. Rutland P. Putin's economic record: Is the oil boom sustainable? // *Europe-Asia Studies*. – 2008. – Vol. 60. – N 6.
22. Sternberger D. Verfassungspatriotismus // Sternberger D. (Hrsg.). *Verfassungspatriotismus*. – Frankfurt a.M.: Insel, 1990.
23. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*. – Tübingen: Mohr, 1972. – XXXIII, 942 S.